

Питирим Сорокин (Pitirim Sorokin)
АМНЕЗИЯ* И НОВЫЕ КОЛУМБЫ

(Гл. 1 из кн. P. Sorokin. Fads and Foibles in Modern Sociology and Related Sciences. Westport, Connecticut: Greenwood Press, Publishers, 1976).

ДАЙТЕ РУССКОМУ УЧЕНИКУ,
НЕВЕЖЕСТВЕННОМУ В АСТРО-
НОМИИ, КАРТУ НЕБЕСНЫХ ТЕЛ,
И НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ ОН
ПРИНЕСЕТ ЕЕ ИСПРАВЛЕННОЙ.
Ф. ДОСТОЕВСКИЙ.

Comment, voila dix ans que vous avez
des ailes, et vous n'avez pas encore vole**.
H. Poincare.

БОЛЕЕ ДВАДЦАТИ ЛЕТ ПРОНЕС-
ЛОСЬ ПОСЛЕ ЭТОГО ДИАГНОЗА
ПУАНКАРЕ, А СИТУАЦИЯ ОСТА-
ЛАСЬ ТОЙ ЖЕ.

Э. МЕЙЕРСОН.

1. АМНЕЗИЯ И КОМПЛЕКС ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЯ

Понятие «современная социология» и «современная социально-психологическая наука» относятся к состоянию этих дисциплин в последние 25 лет или около того***. Первым дефектом этих наук в данный период было забвение предшествующей истории, открытий и достижений. Вторая слабость тесно связана с первой. Многие современные социологи или социопсихологи утверждают, что они сделали ряд научных открытий «впервые в истории» социологии или какой-либо иной социально-психологической отрасли знания. Краткости ради эта слабость может быть названа «всепоглощающим комплексом первооткрывателя», или просто «комплексом первооткрывателя».

Молодое поколение социологов и социальных психологов открыто утверждает, что в их областях на протяжении всех предшествующих веков не было открыто ничего важного; что до них были лишь «кабинетные философы»; что настоящая научная эра в этих дисциплинах на-

*Нарушение памяти (пер.).

** Как? Вот уж десять лет как у вас Крылья, а вы все еще не полетели (фр.).

*** Книга впервые опубликована в 1956 г.

чалась только в последние два или три десятилетия публикацией исследований как собственно их, так и представителей их круга. Претендуя на особую объективность, точность и научность, наши Колумбы социологии и психологии без устали повторяют это заблуждение как научную истину. Соответственно они редко ссылаются на мыслителей прошлого. Когда они все же это делают, то едва скрывают чувство собственного превосходства над старыми ненаучными туманностями. Согласно им, открытие «Нового мира» в социологии или психологии было сделано не викингами или Колумбами, а ими самими или их почитателями, которые всего лишь несколько лет назад пересекли Атлантику на «Королеве Елизавете» или «Соединенных Штатах». В результате в указателях их книг не перечисляется никто или почти никто из мыслителей предшествовавших веков, но дается длинный список «исследователей», принадлежащих к «Страховой компании взаимной поддержки» автора. Вот типичные примеры «амнезии» в сочетании с «комплексом первооткрывателя».

«История литературы о группах уходит в отдаленное прошлое. Однако тщательные исследования появились лишь в последнюю четверть века... (До этого были только спекуляции и не было «объективных доказательств»). Корректное использование объективных методов наблюдения, изучения и эксперимента резко увеличилось в последние несколько лет»¹.

Эта мелодия была поддержана шумным хором. Само название доклада Р. Б. Каттеля (R. B. Cattell) — «Новые концепции измерения лидерства...» говорит за себя. Согласно автору, эти новые понятия и методы измерения «К сожалению, игнорировались психологами и социологами»². По словам Р. М. Стогдилла (R. M. Stogdill), «пионерская работа Левина, Морено и их последователей» ввела в изучение «лидерства как феномена групп» научные методы, в то же время его собственная работа открыла «изучение лидерства как аспекта организации»³. Для Дженнингса (H. H. Jennings) изучение «мужлических феноменов, порожденных взаимодействием между индивидами», было начато Морено, «предпринявшим пионерское исследование в общественной школе»⁴. С. Шайдлингер уверяет нас, что бессознательное было открыто З. Фрейдом⁵. Статьи L. Festinger, J. Thibaut, J. R. P. French, S. E. Ash, R. L. Gorden, E. W. Bovard, Jr. S. Schachter, L. M. Killan, L. Coch, J. Levine, J. Butler, M. Deutsch, R. F. Bales и др. авторов тома вновь и вновь утверждают, что до их исследований «было мало теоретических и фактически не было экспериментальных работ по изучению влияния кооперации и конкуренции на социальный процесс»⁶.

Они также утверждают, что «исследование членства в многочисленных группах только началось»⁷ и т. д. и т. п.

Апостолы групповой динамики формируют свои предложения как важные истины, т. к. впервые научно раскрывают тайну содержания таких явлений, как социальная группа и социальная организация, социальная «связь» и мобильность, конкуренция и кооперация, групповая иерархия и власть, групповые конфликты и соглашения, групповое лидерство и давление. Лишь изредка их ссылки идут дальше Фрейда, Левина и Морено. Однако они никогда не забывают сослаться на работы друг друга, на тех, кто входит в ту же группу новых Колумбов в социологии, психологии, антропологии или психиатрии. Несведущий читатель, не знакомый с исторической азбукой этих отраслей знания, подводится к убеждению, что они в прошлом не существовали вообще и возникли только в течение последних пятнадцати или двадцати лет. Эта «амнезия», конечно, была

замечена Дж. Л. Морено и другими исследователями. Столкнувшись с усиливающейся тенденцией к присвоению различных его идей и методик, Морено в конце концов был вынужден вывести все на чистую воду и ясно показать, что было чьим. Вот важные цитаты из его очерка происхождения и развития социометрии, психодрамы, групповой терапии и групповой динамики.

«Помимо полезных духов, которые окружают каждого пионера, имеется класс людей, желающих украсть и присвоить себе его идеи. Назвать их интеллектуальными ворами — было бы слишком резко. Обычно это искренне привязанные люди. Вначале они становятся друзьями и последователями, т. к. интеллектуальный товар не может быть украден; он должен быть впитан. Но как только они поверят, что владеют новым навыком, их начинает больше устраивать, чтобы создатель был мертв. Действительно, они частенько отрицают его существование...

Это невероятно и печально, что люди укравшие твои идеи, становятся к тому же твоими личными врагами...»⁸.

Есть люди, не могущие иметь детей, также есть люди, которые не могут создать никаких идей; поэтому одни усыновляют чужих детей; другие — усваивают чужие идеи... Жаль, что эти ученики из группы динамики не только опубликовали искаженные версии моих идей и методик, но и практикуют их на реальных людях в так называемых исследовательских и учебных лабораториях, получая большие гонорары и исследовательские гранты без соответствующей подготовки для такой работы...

Используя технику цитирования только друг друга, т. е. тех, кто принадлежит к их кругу, и не цитируя никого из моих близких помощников или меня, они ведут двойную игру, которая становится смешной акцией знатоков и порождает новую форму «взаимозависимости»⁹.

Другие примеры своеобразной «амнезии» и «комплекса первооткрывателя» могут быть найдены в монументальном четырехтомнике «Социально-патологических исследований во II Мировой войне» Самюэля Стоуффера и других видных авторов этих «эпохальных томов» (как они были названы некоторыми рецензентами)...

Любому ученому, хотя бы немного компетентному в истории социологии, психологии или близких им наук, их утверждения представляются бесстыдно неточными и грубо ненаучными. Фактически все эти «современные открытия» были сделаны давно, в работах предшествующих мыслителей они были проанализированы лучше, поняты более адекватно и сформулированы даже более точно, чем в недавних работах.

Продолжим рассмотрение нашей коллекции случаев амнезии и комплекса первооткрывателя. Поскольку эти болезни, кажется, широко распространены среди современных социологов и психологов и проявляются в разнообразных формах, попытаемся лучше познать их и прольем свет на одну из характерных современных социально-психологических дисциплин. Анатолий Рапорт полагает, что операциональный «подход, который мы будем использовать здесь, нов, ему не более сотни лет»¹⁰. Однако после тщательной проверки его «операциональная философия и подход» (постольку, поскольку они имеют какое-либо определенное значение) оказываются по крайней мере двадцативековой давности.

Он также говорит нам, что семантика и металингвистика были открыты А. Кожибским, Б. Малиновским и Е. Шапиро в последние 30 лет¹¹. Невероятно, нужно ничего не знать о тех дисциплинах, которые Рапорт называет семантикой и металингвистикой, чтобы сделать столь ошибочное утверждение. Фактически же то, что есть в семантике Кожибского, очень широко обсуждалось по крайней мере 2000 лет назад, прежде

всего великими буддийскими логиками и др. мыслителями Индии, Китая, Греции, Рима и средневековой Европы. Даже главный девиз современных семантиков, гласящий, что «слово — это не речь; карта — не территория», было сформулировано вышеупомянутыми буддийскими логиками. Не стоит доказывать, что за два тысячелетия по меньшей мере эпистемология имела дело со всеми главными проблемами современной семантики и занималось ими более компетентно, чем это делают современные ученые. Точно также веками сравнительная философия и лингвистика основательно изучали проблемы рапортовской металингвистики. Только игнорирование этих дисциплин и того, чем они занимались, делает возможным утверждения Рапопорта.

Но давайте продолжим изучение Новых Колумбов. Если верить многим современным текстам, то мы должны прийти к выводу, что главные научные принципы психологии бессознательного и частично — сознания, как и научного изучения психических заболеваний и основных методов их лечения были открыты З. Фрейдом, К. Юнгом и еще более современными психологами и психиатрами.

«В последние годы научная психология начала изучение скрытых областей...» «Метод свободной ассоциации, разработанный Фрейдом... Первой серьезной попыткой воплотить этот принцип в удобный для использования тест был метод словесных ассоциаций, впервые завоевавший видное место в науке благодаря Блереру (Bleuler) и Юнгу вскоре после 1900 г.»

Нам говорят, что научная интерпретация снов была начата в 1900 г. Фрейдом и продолжена Клейном, Маламудом, Принцем и др. в 1920—30 г.г. и позднее... Не стоит говорить, что все эти принципы и методики были открыты по крайней мере 2 тысячи лет назад и использовались многими врачами, йогами, святыми аскетами и spiritualis pater. Особенно активно их использовали основатели монашеских орденов Востока и Запада¹².

В недавнем прошлом (раньше Фрейда) Е. фен. Гартман опубликовал свою знаменитую работу «Philosophie des Unbewussten» (1869 г.) — «Философия бессознательного»; Е. Крепелин (E. Kraepelin) выпустил классический и всё еще непревзойденный четырехтомник «Lehrbuch d-Psychiatrie» (1883); один из учителей Фрейда, Р. Жанет (R. Janet) занимался бессознательным и подсознанием более всесторонне и научно, чем впоследствии сам Фрейд.

Сейчас можно слышать: «Около 4 лет назад, в 1949 г., у нас появилось выражение «поведенческие науки». Или «Стюарт (John Q) ввел понятие «социальной физики»; Парсонс и Шилз занялись социальной системой»¹⁸.

Не углубляясь слишком далеко, автор этих утверждений мог бы легко обнаружить, что в 1913 г. в Соединенных Штатах М. Пармели (M. Parmelee) опубликовал солидный том, названный «Наука о человеческом поведении». Если бы прежде чем делать такое заявление он предпринял небольшое исследование, он бы обнаружил, что понятие «поведенческие науки» использовалось по крайней мере 4 или 5 веков назад. Если бы он просмотрел первую главу моей книги «Современные социологические теории», он бы узнал, что понятие «социальной физики» возникло в Древней Греции и Риме, что сама «социальная физика» была великолепно развита в особую отрасль науки в XVI, XVII и XVIII вв.

Если бы он также снизошел и просмотрел тома моей «Социальной и Культурной динамики», он бы обнаружил, что задолго до Парсонса и Шилза несколько обществоведов, включая меня, занимались социальной системой. Утверждение Миллера типично своей грубой ошибочностью, как и заявления других псевдо-открывателей, утверждающих, что их предложения и теории обладают монополиями на научную точность.

Эпидемия амнезии и комплекса первооткрывателя проникали и в современную антропологию. Даже такие выдающиеся антропологи, как Линтон, Малиновский, Мердок (Murdock). Клюкхон (Kluckhohn) и др. не избежали этой инфекции. Они неоднократно утверждали, что их теории были неизвестны, вплоть до последнего времени¹⁴ или были открыты только «новой наукой — антропологией»¹⁵. Фактически 3 основные потребности Линтона (эмоциональный отклик, безопасность и новый опыт) и 11 биологических стимулов Малиновского («импульс» дыхания, голода, жажды, секса, усталости, непоседливости, сонливости, давления мочевого пузыря, давления толстой кишки, страха, боли), положенные этими авторами в основу культурных образцов и социальных инструментов, являются просто вариациями давних теорий инстинктов и стимулов, развитых, «подтвержденных» и повторенных во многих вариантах легионом мыслителей прошлых веков, не говоря уж о многих предшественниках в XX в.¹⁶

Это верно и относительно «принципа ограниченных возможностей»¹⁷ Мердока, «эмоциональной однородности» из теории культуры Клюкхон-Келли¹⁸ и др. теорий этих авторов.

Микроб амнезии и мании первооткрывателей распространился и на сферу современной теоретической социологии. Т. Парсонс и Шилз — репрезентативные жертвы обсуждаемой эпидемии. Парсонс, говоря весьма убедительными словами Е. Фариса «тайно верит, что новое знание пришло в мир (с публикацией «Социальной системы» Парсонса). К сожалению, он не назвал ясно эти откровения и читателю приходится открывать их самому. Он же может иметь в виду под ними «ясное определение причин, почему механизмы поведения включают нерациональный процесс», т. к. она были указаны Самнером в 1909 г., подчеркнуты Дьюи в 1922 г., поставлены в центр внимания Мидом и давно знакомы нам всем (в действительности, эти идеи были высказаны Savigny и Puchta в начале XIX в., а еще раньше Платоном, Ибн-Халдуном, Ментескье и др).

Не мог он иметь в виду и доктрину «оптимизации удовлетворения» (gratification), т. к. она неотличима от гедонизма, в котором он сам выразил сомнения. Предметом наибольшей гордости в главе XII является открытие комбинации взаимозависимости и независимости личности, культуры и системы (организации). Это утверждение граничит с невероятным. 50 лет назад Кули говорил об обществе и индивиде, уподобляя их музыканту и оркестру. Томас учил, что личность — это субъективный аспект культуры. Эту же идею разрабатывал Дьюи, а совсем недавно (в 1947 г.) Сорокин выразил это же в словах, поразительно напоминающих слова Парсонса¹⁹.

Аналогичная критика книги Парсонса и Шилза «К общей теории; действия» (1951) была высказана Л. фон Визе (L. von Wiese)²⁰. Признавая определенную системность в теоретической схеме этих авторов, выдающийся глава германских социологов отметил в то же время странное отсутствие ссылок на предшественников, стерильную схоластичность, неправомерное использование терминов, заимствованных из естественных наук, педантичную абстрактность, сухую туманность, «часто принимаемую за мудрость» и преждевременную «седовласость» до этого

молодой, ищущей факты американской социологии. Хорошо зная, что Парсонс вел семинары на моих курсах в Гарварде и наблюдая существенное сходство между теоретическими построениями Парсонса и моими, фон Визе особо подчеркивает полное отсутствие ссылок на мои теории, опубликованные за много лет до появления работы Парсонса²¹.

Я, со своей стороны, в неопубликованной mimeографической рукописи «Сходства и различия между двумя социологическими системами»²² показал в длинной серии параллельных цитат из моих работ и томов Парсонса и Шилза, что их основные определения и понятия практически идентичны моим; часто они идентичны даже в формулировках. Идентичность обнаружена в следующих понятиях: (а) символическое взаимодействие (meaningful interaction) как основа социального процесса; (б) субъекты взаимодействия; (с) тройственный аспект социокультурной реальности: личность — общество — культура; (d) три формы символических культурных образцов (meaningful cultural patterns); (е) общее понятие системы; (f) понятие социальной системы и ее атрибутов; (g) понятие системы культуры и её атрибутов; (h) понятие изменения социальной системы: имманентное и вызванное внешними факторами; (J) личностная система и несколько других исходных позиций.

Наряду с этими базисными совпадениями, я показал многочисленные различия по второстепенным вопросам. «Один из многих факторов, обусловивших эти различия, — это незавершенный переход Парсонса от его предыдущей, основанной на М. Вебере «полуноминалистической точки зрения» к новой. По этой причине «грехи» предыдущей системы продолжают проникать в новую, прорастать в ней и портить ее. Отсюда своеобразный эклектизм новой точки зрения». Г. Гурвич, преемник Дюркгейма в Сорбонне, находит, что теории Парсонса — это в основном порочные круги и пустые, претенциозные словесные формулы», простая «куча несопоставимых элементов»²³.

Парсонс перечисляет основные новые идеи своих последних работ изод 4 рубриками²⁴. К этим утверждениям также надо отнести скептически. Я могу убедительно показать, что, кроме многочисленных логически бедных и эмпирически бесполезных парадигм и неологизмов, в основной массе предложений Парсонса нет абсолютно ничего нового. Все они были разработаны более научно и сформулированы более точно многими предшествовавшими социологами, психологами и философами. Даже мой собственный анализ этих явлений, вероятно, более точен, более детален, более логически адекватен и лучше эмпирически документирован, чем анализ Парсонса²⁵.

Другой ряд случаев потери памяти относительно даже недавних событий обнаруживается у многих авторов, пишущих о социальной мобильности. Большинство из них почти не упоминают своих предшественников, включая мою книгу «Социальная мобильность», которая была опубликована в 1927 г. и до сих пор остается «единственной всесторонней работой в этой области»²⁶. Однако все они используют многие из основных понятий и обобщений, данных в моей книге, не принимая, однако, мою практику цитирования и отдавая должное основным предшественникам в изучении феномена социальной мобильности. Более того, когда какие-либо из этих новых «исследователей» делают ссылки на своих предшественников, они упоминают других «исследователей», которые повторили, часто дословно, обобщения и аргументацию моей книги (вновь без всяких ссылок на нее).

Примером этой «острой амнезии» является статья М. М. Тюмина (Tumin) «Некоторые принципы стратификации»²⁷. Тюмин начинает свое исследование с утверждения:

«Самое странное, что основные предпосылки и подтексты этой исходной посылки (универсальности и функций социальной стратификации) лишь мимоходом исследовались американскими социологами. Наиболее системная трактовка имеется в хорошо известной статье Кинзли Дэвиса и Уилберта Мура, озаглавленной «Некоторые принципы стратификации»²⁸.

Странный аспект этого утверждения состоит в том, что не только Тюмин, но также Дэвис и Мур, кажется, страдают от амнезии, т. к. в своей статье они тоже не упоминают мою «Социальную мобильность», хотя они в прошлом были моими студентами и хорошо знали мою книгу. Когда, однако, сравниваешь их «оригинальные» объяснения и «системное изучение» социальной стратификации с анализом, представленным в моей книге, обнаруживаешь, что эти обобщения содержатся в «Социальной мобильности» и рассматриваются там значительно более основательно, подкрепляются массой исторических, эмпирических и статистических аргументов²⁹.

За некоторыми исключениями, типа книги П. Дэвидсона и Х. Андерсона (P. H. Davidson, H D- Anderson- Occupational Mobility in an American Community. Stanford Univ-. 1937), большинство исследований социальной стратификации и мобильности, появившихся после публикации моей работы, не открыли почти никаких новых существенных принципов, не сделали новых обобщений, которые бы уже не были сформулированы в моей книге. Некоторые из этих работ (например, R. Center- Occupational Mobility // Amer. Social-Review, XIII. 1948. p. 197—203; E- A- Suchman- Social Mobility in the Army // S- A. Stouffer (ed) Studies in Social Psychology in World War II. vol- I. ch- 6) дают **новый** материал, но приходят к выводам, весьма схожим с приведенными в моей работе³⁰.

Нижеприведенные примеры «амнезии» и «комплекса первооткрывателя» могут быть приумножены *ad libitum**. Далее мы увидим, что почти все новые открытия — это либо с помпой произнесенные банальности, либо мучительные уточнения очевидного, чисто терминологические инновации, либо повторное открытие уже давно открытой, «социологической таблицы умножения».

2. Причины амнезии и комплекса первооткрывателя

Каковы причины этих «болезней»? Невежество современных ученых в области истории социальных и психологических наук? Или это попытка раздуть свои собственные достижения? Если так, то не означает ли это, говоря словами Морено, «намеренную кражу» творческих достижений других? Или же это наивное преувеличение своих собственных усилий посредством игнорирования чужих работ? В большинстве случаев причина, вероятно, заключается в невежестве наших псевдопервооткрывателя, многие из которых являются новичками, пришедшими из других наук. Не имея базовой подготовки по социологии или психологии, они часто оказываются вовлеченными в социологический или психологический проект, скажем, статистиками. Не получив возможности серьезно изучить эти дисциплины, вновь пришедшие легко принимают посылку,

что здесь вряд ли есть что-либо ценное, достойное изучения, и что они со своими «научными» методами являются первопроходцами в исследовании этих явлений.

Их убежденность усиливается появлением фигуры «междисциплинарного исследователя — профессора» («*omnibus resercher-professor*»). примером которого является «междисциплинарный исследователь-статистик». Новое и все усиливающееся убеждение состоит в том, что как только человек овладел шаблонным статистическим методом, он становится достаточно компетентным, чтобы проводить исследование по любой проблеме в любой области, включая и те, которые он никогда не изучал. Этот «междисциплинарный исследователь» уже стал социальным институтом в психологических исследованиях и преподаваниях, широко используется администрацией, бизнесом, научными учреждениями. «Междисциплинарный профессор» все чаще и чаще ставится университетами на преподавание психологических дисциплин, которые никогда не изучал, но как статистик, математик или исследователь, проводивший эксперименты с крысами и собаками, как предполагается, может преподавать более научно, чем те, кто посвятил этим областям знания много лет.

С возникновением этого нового типа исследователя в фондах, университетах и научных институтах сформировалось странное кредо. Это вера в то, что чем меньше исследователь психологических явлений знает о них, чем менее пристрастен он, тем лучше он изучает и преподает. Как не невероятно это кредо звучит, оно не только существует, но уже утвердилось в политике фондов, университетов и др. институтов. В течение последних нескольких лет ряд лиц, совершенно не обремененных серьезным знанием России, Японии или исламской культуры, были избраны директорами или председателями в русских, японских, исламских исследовательских центрах; статистики, математики или специалисты по крысиным рефлексам, которые никогда серьезно не изучали психологию или социологию, был назначены профессорами по этим дисциплинам в ряде колледжей и университетов. С возникновением статуса «междисциплинарного исследователя-профессора» и странного *docta ignorantia** (совершенно отличного от *docta ignorantia* Николая Кузанского) распространение амнезии и комплекса первооткрывателя стало совершенно естественным.

Распространение этой болезни среди молодого поколения социальных психологов также понятно. Здесь превалирует использование различных методик и исследовательских процедур: статистических методик, техники тестирования умственных способностей, темперамента, проективных и социометрических тестов, а также дюжин других тестов, изучаемых и используемых сейчас. Изучение этих процедур и тестов требует много времени. Оно оставляет студентам мало возможностей для серьезного изучения собственно социологии или других психологических наук. Их общее знание этих наук редко выходит за пределы стандартных учебников и нескольких монографий, обязательных при изучении соответствующих курсов или необходимых для получения докторской степени. В результате они получают эту степень, не имея фундаментальных знаний этих предметов. Неоднократно слыша от своих профессоров, что гесты и методики являются самой важной и самой научной частью этих наук, потратив большую часть времени на овладение этими процедурами, молодые доктора выходят с твердым убеждением, что они мастерски овладели всей социологией или психологией. После того как они получили такую подготовку и провели долгое и мучительное исследование,

они готовы открыть «социологическую таблицу умножения», они способны поверить, что они открыли ее «впервые в истории».

Это объясняет, почему их публикации крайне бедны ссылки на основные работы их предшественников, а также тот факт, что «единственным источником данных для учебника по введению в социологию» являются другие учебники. Примерно 37% всех сносок в 129 проанализированных учебных социологических текстах сделано на другие учебные тексты³¹. Элементарные тексты легко читать; их можно усвоить в относительно короткие сроки; они, как предполагается, дают ядро социологического знания. Во всех отношениях они являются божьим благодеянием для новичков. Используя выжимки они достигают, не тратя времени, статуса компетентного, современного исследователя или профессора.

Другая, вероятно более малочисленная, группа наших псевдопервооткрывателей — это жертвы амбиций, выходящих за пределы их творческого потенциала и конкурентной морали; жертвы культа успеха, приущего нашему обществу. Движимые нарцисстическим комплексом и вездесущими социальными силами соперничества, они переоценивают свои достижения, рекламируя их как «впервые сделанные открытия». С полурациональной наивностью они способны искренне дурачить себя и других своими претензиями. Этот класс Колумбов составляет незначительную часть умышленных плагиаторов. Большинство же — это просто современные «бизнесмены в науке». Используя все методы конкурентного бизнеса, наши «бизнесмены от науки» прибегают к технике современной рекламы, оттеснению продукции своих конкурентов и возвышению своей собственной. Для них эти методы, включая самые беспринципные, также необходимы, как и в других сферах бизнеса, для обеспечения себе средств существования, получения исследовательских фондов, карьеры в университетах или исследовательских институтах, для приобретения престижа выдающегося ученого.

Гипотеза о том, что невежество является главной причиной амнезии, подтверждается большим числом примеров специфической амнезии. Эта гипотеза подкрепляется двумя своеобразными методами, используемых в этих случаях: (а) «метод цитирования только друг друга» и нецитирования «аутсайдеров», как уже отмечал Морено. Использование этого метода показано в уже упоминавшемся исследовании А. Гоббса. Проанализировав 129 социологических текстов, Гоббс обнаружил «взаимный подхалимаж... в цитатах. Авторы стремятся цитировать писания своих друзей чаще, чем работы тех, кого они не знают»³². (б) метод использования новых терминов для старых понятий, чтобы придать им оригинальный вид. Эти и подобные ухищрения помогают продавать, особенно доверчивой публике, старые интеллектуальные товары как новые.

Каковы бы ни были причины, можно только сожалеть о широком распространении амнезии и комплекса первооткрывателя среди современных социологов и психологов. Эти болезни не увеличивают наше знание социально-психологических явлений и не облегчают подчинение этих знаний потребностям человечества. Амнезия и заблуждения новых первооткрывателей означают подрыв исторического роста социологии и родственных дисциплин. Они в некотором смысле зачеркивают значительную часть знания психических, социальных и культурных явлений, накопленного опытом и исследованиями многих поколений наблюдателей и мыслителей. Вместо того, чтобы облегчить изучение уже открытых истин, эти болезни заставляют многих исследователей открывать их вновь,

в результате долгого, мучительного и дорого исследования Значительная часть творческой и познавательной энергии таким образом тратится впустую...

* * *

1. D. Cartwright, in the symposium: *D. Cartwright and A. Zander. Group Dynamics* (Evanston, Illinois, 1953, p ix (By permission of Row, Peterson and Company)
2. *Ibid.*, p. 14.
3. *Ibid.*, p. 39.
4. *Ibid.*, p. 65.
5. *Ibid.*, pp. 5
5. *Ibid.*, pp. 52 ff.
6. *Ibid.*, p. 319.
7. *Ibid.*, p. 249.
8. *J. L. Moreno, Who Shall Survive?*, new edition (New York: Beacon House, Inc., 1953).
9. *Moreno*, *ibid.*
10. A. Rapoport, *Operational Philosophy* (New York, 1953).
11. *R. W. White*, «Interpretation of Imaginative Productions», in *J. McV. Hunt* (ed.). *Personality and the Behavior Disorders* (New York, 1944), pp. 214-15. (By permission of the Ronald Press Company).
12. See the evidence in *P. Sorokin. The Ways and Power of Love* (Boston, 1954), chaps. 20, 21; and *P. Sorokin* (ed.), *Forms and Techniques of Altruistic and Spiritual Growth* (Boston, 1954), *passim*.
13. *J. G. Miller*. «Introduction», in *Symposium: Profits and Problems of Homeostatic Models*, Chicago Behavioral Sciences Publications, No. I. 1953, pp. 3-5.
14. *R. Linton. The Cultural Background of Personality* (New York, 1945), pp. 2, 28, and others.
15. *B. Malinowski. A Scientific Theory of Culture* (Chanel Hill, 1944), p. 4, et *passim*.
16. See these theories in *P. Sorokin's Contemporary Sociological Theories* (New York, 1928), chap. II.
17. *Cf. R. Linton* (ed.). *The Science of Man in the World Crisis* (New York 1945), pp. 133-42. *Cf.* a full development of the principle of limit and of its earlier formulations in *P. Sorokin, Social and Cultural Dynamics* (New York vol. IV, chap. 14.

18. C. Kluckhohn and W. H. Kelly, «The Concept of Culture», in Linton's. The Science of Man, quoted, pp. 78-106.
19. E. Faris' review of Parsons' Social System (Glencoe, Illinis, 1951), in American Sociological Review, 18 (1953), p. 18.
20. Cf. L. von Wiese. «Ein Neues Amerikanisches Sammelwerk», Kolner Zeitschrift fur Soziologie, 5 (1952-53), 87-98.
21. Ibid., pp. 97-98.
22. Примерно две сотни мимеографических копий этой работы были посланы американским и европейским обществоведам, почти все из которых ответили, подтвердив мои предположения.
23. Отвечая на критику Faris'a и других, Парсонс вынужден был признать заимствования, сделанные у Summer, W. I. Thomas, G. H. Mead, Cooley, Pareto, Simmel, L. J. Henderson, W. B. Cannon и многих других (кроме меня). Он, однако, настаивает на собственном вкладе: «То, что сделано мной, — это демонстрация того, что все эти люди (Парето, Зиммель и другие европейские социологи) конвергировали в единую теоретическую схему». Этот вклад, однако, весьма сомнителен. Логика его такова: «У человека есть нос, и у собаки есть нос, поэтому человек и собака конвергировали в единый вид». Теории названных социологов в реальности конвергировали не больше, чем человек и собака. Блестящую критику теории Парсонса дал G. Gurvitch. «Le concept de structure sociale», Cahiers Internationaux de Sociologie, XIX, 1955.
24. Cf. Parsons. «Some Comments», quoted, pp. 621 ff.
25. Cf. P. Sorokin. Society, Culture, and Personality (New York, 1947), chaps. 3-9, et passim.
26. Social Mobility in Great Britain, edited by Glass (London, 1953, p. v.
27. American Sociological Review, 18 (1953), 387-97.
28. Published in Am. Soc. Review, 10 (1945), 242-49.
29. Compare Davis' and Moore's paper with pp. 11, 100-106, 182, 327, 346, et passim of my Social Mobility.
30. Примерами многократного повторения моих выводов (без ссылок на них) являются утверждения, что американское общество не бесклассовое, а стратифицированное целое с большей вертикальной мобильностью, чем имеет место в европейских странах; что это выступает следствием раз-

личий в уровне рождаемости, открытия новых земель, роста уровня жизни; что имеет место широкая восходящая мобильность солдат в период войны; что люди, окончившие колледж и вообще способные, имели больший успех в продвижении, чем те, кто не имел образования или был менее способен; и т. д.

Cf. Stouffer. Studies. Vol. I: «Современные демократии не представляют собой исключения, из правила (всеобщей стратификации). Хотя в их конституциях сказано, что «все люди равны», только наивный человек отсюда сделает вывод, что в этих обществах нет социальной стратификации. Достаточно упомянуть градации между г. Фордом и нищим, президентом и полицейским, командующим армией и солдатом, председателем совета директоров корпорации и ее простым рабочим и т. д.». *Sorokin. Social Mobility. P. 14.*

Одна из наиболее ярких особенностей так называемых «демократических обществ» — это не отсутствие социальной стратификации, которая чаще даже сильнее, чем в недемократических обществах, а более интенсивная вертикальная мобильность (*Ibid. P. 137-138*).

После приведения фактов, показывающих исключительно высокую смертность в высших слоях и среди высших армейских чинов у греков, римлян, в средневековых и современных войнах и революциях после показа вакуума в высших классах, в «Социальной мобильности» делается вывод, что «в течение таких периодов инфильтрация выходцев из низших слоев в высшие особенно интенсивна» и что эта повышенная вертикальная мобильность имеет весьма единообразный характер.

«В современных западных обществах школы представляют собой один из наиболее важных каналов вертикальной циркуляции... Без университетского образования индивид не может фактически (а часто даже юридически) быть назначенным или достичь видного места; и, наоборот, выпускник университета с блестящими результатами может легко продвигаться на ответственную позицию» и т. д. (*Ibid. P. 170*).

Короче, практически все выводы исследования социальной мобильности в американской армии в годы II мировой войны совпадают с формулировками их, которые я сделал и задокументировал в «Социальной мобильности».

Иная ситуация с работами Парсонса и Уорнера, в том числе

Parsons'. «An Analytical Approach to the Theory of Social Stratification (Amer. Journ. of Sociology, XLV, 1940, pp. 849-62) and his «Revised Analytical Approach» (in B. Bendix and S. M. Lipset, Class, Status, and Power, Glencoe, 1953). В этих работах нет каких-либо эмпирических фактов стратификации мобильности, они представляют собой в основном «таксономию факторов» и форм стратификации, случайную с точки зрения логики, эмпирически неполную, сомнительную в своих догматических суждениях и вообще бесполезную для эмпирического исследования в этих сферах. В «Revised Analytical Approach» проблема стратификации и мобильности тонет в море тяжеловесных размышлений, не выливающихся в какие-либо ясные форму и содержание.

Все, что есть ценного в книгах Уорнера — это в основном повторение трех основных форм стратификации, уже рассмотренных в моей книге. Сделанное Уорнером представляет собой сомнительную смесь его собственных производных оценок и критериев с данными опроса скромного числа индивидов. И тем не менее эта смесь предлагается как объективная основа для его еще более произвольного «шестислойного торта стратификации», не существующего в социальной реальности. Это его первая важная ошибка, а вторая состоит в идентификации стратификации с социальным классом. Подобно многим другим, он, кажется, не знает о существенном различии между этими двумя понятиями и феноменами. Не существует не только межклассовой, но и внутриклассовой стратификации. С другой стороны, есть социальные классы, которые существенно различны, но их нельзя ставить выше или ниже других. Никто не может объективно утверждать, является ли класс фермеров или индустриальных рабочих выше или ниже других классов, какой класс — крупных землевладельцев или капиталистов — выше. Но несмотря на то, что подобные классы не стратифицируются по отношению друг к другу, они действительно существуют как различные классы в объективном универсе социальных групп. По этому вопросу см. мою работу «Общество, культура и личность». Третья важная ошибка Уорнера — это его попытка найти четко разграниченные социальные классы и иерархию социальных страт, тогда как в реальности они в таком виде не существуют.

Подобные замечания справедливы и в отношении ко многим другим исследователям социальной стратификации

социальной мобильности, социальных классов и общей теории социальных групп.

31. *A. H. Hobbs* The Claims of Sociology: A Critique of Textbooks (Harrisburg, Penn., 1951), p. 16.

32. *A. H. Hobbs*. op. cit., p. 16.

Перевод с англ. В. ИЛЬИНА